

Эрнст Юнгер и христианство По материалам дневников 1939-1948 гг.

Петр Салов, аспирант, Общецерковная аспирантура и Докторантура имени Святых равноапостольных Кирилла и Мефодия (Москва),
peter_salov@yahoo.com

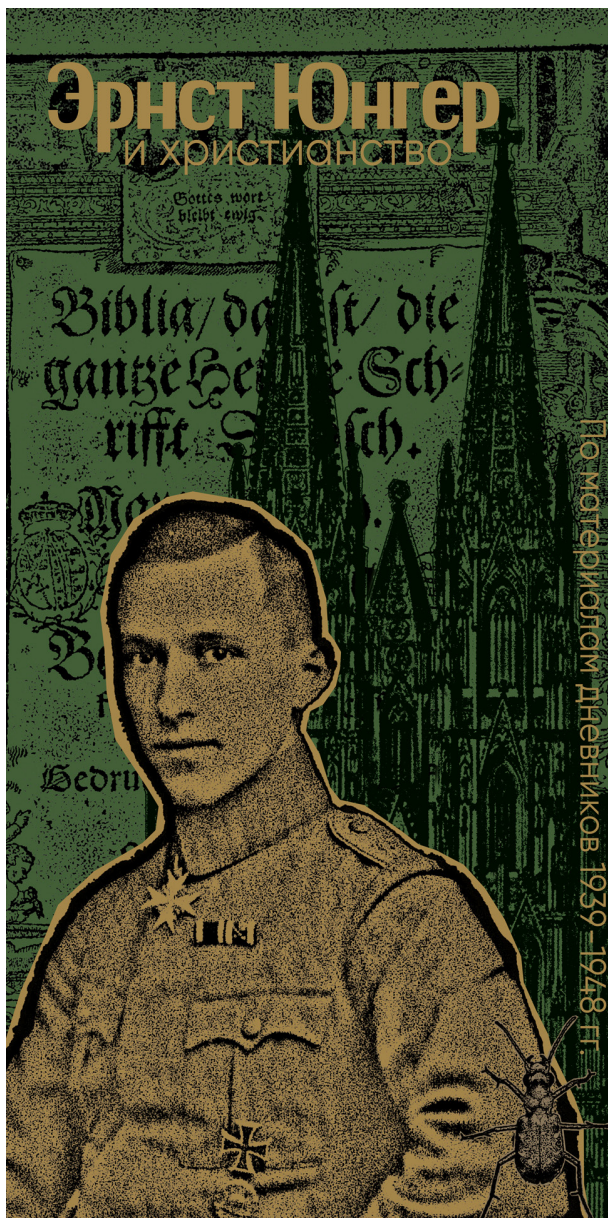
В предлагаемой статье рассматривается мировоззренческий переход, осуществленный выдающимся немецким писателем и мыслителем Эрнстом Юнгером (1895-1998) в период Второй мировой войны. На основе анализа дневников писателя за 1939-1948 гг. делается вывод о главных особенностях его религиозной трансформации. По материалам дневников оцениваются взгляды Э. Юнгера на христианскую храмовую архитектуру, богословскую и религиозную литературу, а также представление писателя о молитвенной практике. Делается вывод, что ключевым фактором переоценки ценностей для Юнгера послужило установление национал-социалистической диктатуры в Германии в 1933 г. и последующее развязывание Второй мировой войны. Предпосылкой же обращения к христианству явилось разочарование в активной политической и общественной деятельности в период Веймарской республики. Подчеркивается, что развертывание критики тенденций дегуманизации, а также техники и идеологии модерна у Э. Юнгера происходит одновременно с развитием его религиозных взглядов.

Ключевые слова: христианство, гуманизм, Эрнст Юнгер, молитва, церковь, священное, идеология

Для цитирования: Салов П.Ю. Эрнст Юнгер и христианство. По материалам дневников 1939-1948 гг. // Метаморфозис. 2024. Т. 8. № 3. С. 65-74.

Немецкий писатель Эрнст Юнгер (1895-1998) известен в России своими произведениями о Первой мировой войне, а также философскими романами «Эвмесвиль», «Стеклянные пчелы», «Гелиополь» и др. Часто интерес к его творчеству связан с интересом к воинской романтике и военному делу, а сам Юнгер в этой связи рассматривается критиками и поклонниками как типичный представитель прусского милитаризма, апологет традиционалистского мировоззрения и родоначальник движения немецкой «консервативной революции». Чуть более глубокое понимание личности Юнгера обнаруживают те, кто рассматривает его в качестве пост-ницшеанского мыслителя, примыкающего к философии жизни.

Все эти оценки оказываются верными лишь отчасти, если обратиться к

творчеству Юнгера и вникнуть в его биографию. Действительно, в 1920-ые годы Юнгер придерживался достаточно четких консервативных позиций, о чем можно судить по его статьям в журнале «Арминий» и по публикациям в других журналах. Однако уже в конце 20-ых Юнгер сначала решительно отмежевывается от национал-социалистической рабочей партии Германии и ее вождей¹, а затем переживает глубокую трансформацию мировоззрения, постепенно приходя к христианскому взгляду на жизнь и историю. При этом нельзя сказать, что он с головой бросается в бездумное начетничество, часто свойственное неопитам. Излишний пыл в обрядовой практике вряд ли мог бы стать убедительным свидетельством обращения, ведь внешняя сторона религии не подвергалась нападкам и в Германии, и в оккупированной Европе. Силы тоталитарного режима действовали более изоциренно, проникая внутрь самих

церковных институций с целью разложения подлинного христианского вероучения. Отсюда и особая стратегия духовного сопротивления силам зла, не слишком связанная с официальными религиозными организациями современности. Эрнст Юнгер, как и многие мыслители и писатели в этот период, осуществляет свой духовный поиск в одиночку и отнюдь не по заранее известной схеме. С его точки зрения, именно отдельные несломленные индивиды и составляют от века силу, противостоящую всем ухищрениям демонического начала, которое немецкий писатель в своих дневниках называет «Левиафаном». В начале 1950-ых в философском трактате «Уход в лес» Юнгер обобщенно сформулирует этот подход следующим образом: «Когда все институты стали сомнительными, или даже опозоренными, и

¹ Мусеев Д.С. Юлиус Эвола и Эрнст Юнгер: от политического радикализма к *apoliteia* // История. Общество. Политика. Брянск: 2020. № 1(13). С. 50.

когда даже в церквях уже слышны молитвы не за угнетенных, а за угнетателей, тогда моральная ответственность целиком ложится на одиночку, или, лучше сказать, на несломленного одиночку»².

С приходом к власти национал-социалистов и развязыванием Второй мировой войны Юнгер окончательно разочаровывается в идеологиях модерна, поскольку, как он полагает, идеологии загоняют человека в мировоззренческие рамки, существенно сужающие возможности морального выбора отдельных индивидов и целых народов. За тотальную мобилизацию, которую может обеспечить идеология, приходится расплачиваться общенациональной деформацией морали.

Характерен эпизод встречи Юнгера с одним из его французских читателей в сентябре 1943 года в Париже. Впечатление о разговоре писатель передает в следующих словах: «Мы сели, я – на единственный стул, он – на кровать, и погрузились в разговор о ситуации, в ходе которого он обнаружил решительные, хотя и путаные, коммунистические наклонности. Я вспомнил годы, когда и сам кромсал свою жизнь ножницами концепций, вырезая из нее бумажные цветы. Сколько драгоценного времени таким вот образом пропало зря!»³.

Очевидно, что к этому моменту политические идеологии воспринимаются немецким писателем в лучшем случае как нечто безжизненное и искусственное. Тоталитарная же идеология национал-социализма для Юнгера – переродившаяся бюргерская мораль, вышедшая на пик бесчеловечного прагматизма в эпоху стремительного развития техники и средств производства. Идеология, ампутируя нравственность и угрызения совести, обеспечивает нигилистический ход прогресса, реализуемый образованными, но аморальными исполнителями. Примером такого исполнителя для Юнгера является фигура Генриха Гиммлера: «А вот что меня всегда в нем удивляло и казалось странным, так это та буржуазность, которой он был пропитан насквозь. [...] На этом примере, с другой стороны, видно, в каких масштабах зло проникло в наши институты, как прогрессирует абстракция. За любым служебным окошечком может оказаться наш палач»⁴.

Нацистских функционеров и кровожадных фанатиков в своих дневниках Юнгер именует «лемурами». Так в римской мифологии назывались враждебные человеку духи умерших. Этим наименованием подчеркивается дегуманизирующая сущность нацистской идеологии, которая в конечном итоге вылилась в жажду уничтожения всего живого. Но сравнение нацистов со злыми, мстительными духами не просто метафора. Юнгеру очевидно, что нацистские фанатики являются исполнителями не только человеко-

² Юнгер Э. Уход в Лес / Пер. с нем. Андрей Климентов. М.: Ад Маргинем Пресс, 2020. С. 101.

³ Юнгер Э. Излучения / Пер. с нем. Н.О. Гучинской, В.Г. Ноткиной. СПб.: Владимир Даль, 2002. С. 444.

⁴ Юнгер Э. Годы оккупации / Пер. с нем. И.П. Стребловой. СПб.: Владимир Даль, 2007. С. 110.

навистнической политической программы, они в прямом смысле являются слугами зла, через которых оно приходит и воплощается в этом мире.

Соппротивление злу возможно только в том случае, если имеет правильные духовные основы, лежащие вне человеческой рациональности. Попытка государственного переворота, предпринятая полковником Штауффенбергом и его кругом, Юнгеру представляется малоэффективной затеей, поскольку была направлена на достижение в первую очередь политических результатов. «Покушения вообще представляют собой мнимое решение, как и самоубийства; они переносят проблемы в другую, но не лучшую плоскость»⁵, – пишет Юнгер по этому поводу. В итоге он приходит к выводу, что попытка покушения оказалась успешной скорее в силу неудачного и даже трагического исхода. В оценке данных событий Юнгер смещает акцент в сторону важности борьбы, разворачивающейся в духовном пространстве. Это отчетливо христианская мысль – проиграть для мира, принести жертву и тем самым победить в вечности.

О специфически христианском изменении мысли Юнгера можно судить не только по критическим замечаниям по поводу несправедливостей современного мира, но и по нескольким повторяющимся мотивам в его дневниковых записях. Религиозно окрашенную критику современности Юнгер дополняет описанием личного религиозного опыта.

Сквозной мотив дневников – посещение различных храмовых сооружений на территории Европы. В основном это церкви Франции, Германии. Католические и протестантские церкви вызывают у писателя особый душевный трепет. Перед самой войной Эрнст Юнгер, проживая в своем доме в Нижней Саксонии, в таких выражениях размышляет о смысле и значении христианского богослужения: «Проповедь на Страстную Пятницу о распятом Христе и двух разбойниках. Сакральный тон проповеди, словно тонкая, отслоившаяся фольга. У протестантов это еще слышнее, чем на юге, где “верой единой” дело не ограничивается. В Норвегии меня когда-то поразили богослужения, в ходе которых тебя, как на воображаемых канатах, словно подтягивали вверх»⁶.

Во время французской компании вермахта Юнгер со своим подразделением несет караульную службу в одном из французских городов, где по-новому открывает для себя красоту христианских храмов: «Сегодня я постиг смысл этих кафедральных соборов как творений, жизненных творений, безмерно далеких от мертвых масс музейного мира. Мысли этой содействовало и то, что эта церковь была под моей защитой; я, как будто она сделалась совсем-совсем маленькой, прижал ее к своей груди»⁷. Подобный

⁵ Юнгер Э. Годы оккупации / Пер. с нем. И.П. Стребловой. СПб.: Владимир Даль, 2007. С.136.

⁶ Юнгер Э. Сады и дороги / Пер. с нем. Е.В. Воропаева. М.: Ад Маргинем Пресс, 2022. С. 36.

⁷ Там же. С. 358.

взгляд на церковные сооружения отличал и представителей романтизма, для которых громады церковных соборов виделись частью природного ландшафта, в котором соединяется человеческое и священное.

Эрнст Юнгер противопоставляет христианские храмы рациональному буржуазному миру с его навязчивым планированием. Неслучайно здесь сравнение «мертвых масс музейного мира» и кафедрального собора французского города Лан. В восприятии Юнгера собор имеет свою уникальную историю и судьбу, живет своей уникальной жизнью, возможной только в близости к главному источнику жизни и всякого творения. «Маленький», будто бы живой, собор занимает место у сердца писателя. Значимость момента подчеркивает это сердечное соединение, столь важное для различных аскетических практик христианства.

Для Юнгера храмы – это не только памятники архитектуры, они свидетельствуют о присутствии в жизни человека божественного начала. Христианские церкви соединяют человечество с высшими сферами, являясь при этом чем-то хрупким и бесконечно ценным. Нуждаясь в человеческой заботе, они одновременно открывают человеку возможность заботиться о душе, о человечности и о своем будущем. Интерес к христианским храмам сохранится у Юнгера на всю жизнь. Много позже в дневниках 60-ых годов он будет с сожалением свидетельствовать об упадке благочестивого отношения к храмам: «Церкви и храмы во всем мире действительно все больше превращаются в места осмотров, и притом не только из-за толп путешествующих, но и вследствие художественно-исторического и религиозно-философского созерцания, которые оба в содержание не вникают. Это касается также священников, чья служба становится работой хранителей»⁸.

Эрнст Юнгер был не только выдающимся писателем, но и большим библиофилом, собравшим обширнейшую библиотеку и не представлявшим жизни без чтения. На страницах его дневников упоминаются множество различных авторов, часто с весьма подробным анализом их творчества. Надежды на достижение лучшего будущего Юнгер связывает с возрождением подлинно христианской теологии, способной ответить на вызовы времени. Теология должна освободить человека от закрепощенности и морального повреждения, которое принесли тоталитарные политические идеологии 20-го века. 11-го марта 1942 года Юнгер пишет в своем дневнике: «Когда наступят мирные времена, я намерен по-новому организовать свое чтение, сделав теологию его основой»⁹.

С началом Второй мировой войны Юнгер обращается к чтению Библии, которую читает и перечитывает. Библия – незыблемая ценность, да-

⁸ Юнгер Э. Семьдесят минуло / Пер. с нем. Е.В.Воропаева; общ. ред. и послесл. А.Б. Михайловского. М.: Ad Marginem, 2011. С. 55.

⁹ Юнгер Э. Излучения / Пер. с нем. Н.О. Гучинской, В.Г. Ноткиной. СПб. : Владимир Даль, 2002. С.111.

ющая представление о подлинных основах морали, долга, человеческого достоинства. Она выступает бастионом в мире духа, на который можно рассчитывать в трагический для цивилизации час: «Библия выдержала испытание как книга книг, пророческая и современная. Впрочем, не только пророческая. Она дарует высшее утешение, являясь для многих источником всякой мудрости и проводником сквозь все ужасы мира»¹⁰. Опыт чтения Библии для Юнгера не отвлеченно-исторический. Читая ту или иную книгу Священного Писания, он пытается обнаружить универсальные образы событий, которые могли бы помочь лучше понять происходящее с ним самим и окружающим социальным ландшафтом.

Эрнст Юнгер начинает первое цельное чтение Библии в 1941 г., отмечая, что для этого потребовалось преодолеть те предрассудки, которые были заронены школьными преподавателями Закона Божьего. Уже в 1944 году он решает начать новое прочтение Священного Писания, но на этот раз в переводе Мартина Лютера. Писатель ощущает потребность окончательно прояснить для себя смысл и значение отдельных библейских фрагментов в перекрестии разных переводов. Этот методологически серьезный опыт подкрепляется чтением святоотеческой литературы, а также ряда христианских авторов. Юнгер рассчитывает, что в конечном итоге «возникнет экзегеза для личного пользования»¹¹.

Для Юнгера изучение Библии или другой христианской литературы не было случайным эпизодом. О его глубоком интересе к богословию может свидетельствовать факт приобретения многотомного издания Отцов Церкви. Эту покупку писатель совершил в 1933 году в период разочарования в актуальной политике и вскоре после прихода к власти национал-социалистов¹².

Примерно в это же время важнейшим автором для Юнгера становится католический писатель Леон Блуа (1846-1917), с творчеством которого он знакомится благодаря Карлу Шмитту¹³. Блуа важен для Юнгера как автор, выявляющий основы подлинного христианского благочестия. Характерно, что его имя упоминается в дневниках Юнгера чаще остальных. Не идеализация, а способность изобразить человека «во всем его ничтожестве, но и во всем блеске»¹⁴ является, с точки зрения Юнгера, главным достоинством

¹⁰ Юнгер Э. Сады и дороги / Пер. с нем. Е.В. Воропаева. М.: Ад Маргинем Пресс, 2022. С. 10.

¹¹ Юнгер Э. Излучения / Пер. с нем. Н.О. Гучинской, В.Г. Ноткиной. СПб.: Владимир Даль, 2002. С.670.

¹² Житенев Д.С. О некоторых малоизвестных фактах жизни Э. Юнгера в Вильфлингене [Электронный ресурс]. URL: <https://admarginem.ru/2020/05/06/daniil-zhitenev-ernst-yunger-zhizn-v-dome-lesnika> (Дата обращения: 10.10.2023).

¹³ Pschera A. Ernst Jünger, Katholik [Электронный ресурс]. URL: <https://juenger-gesellschaft.com/ernst-juenger-katholik-von-alexander-pschera/> (Дата обращения: 11.10.2023).

¹⁴ Юнгер Э. Излучения / Пер. с нем. Н.О. Гучинской, В.Г. Ноткиной. СПб.: Владимир Даль, 2002. С.639.

книг Блуа, чтение которого он совмещает с изучением богословских текстов. И если чтение Библии помогает Юнгеру разработать оригинальную экзегезу Священного Писания, то книги Блуа помогают ему в разработке богословской антропологии. Он перенимает опыт Блуа в выявлении человечности самого высокого порядка даже в ситуации падения и катастрофы: «Блуа подчеркнуто человечен в своем умении пребывать в низменном, в грязи, в смраде, в стихии ненависти — в то же время познавая великий, незримый закон»¹⁵. Часто прочитанные главы из Библии Юнгер оценивает через сопоставление с отрывками из произведений Леона Блуа.

Помимо описания храмов и анализа богословских текстов на страницах своих дневников Юнгер не раз рассуждает о молитве. В записи от 11 марта 1940 года он пишет, как по случаю сорок пятого дня рождения читает свой любимый 73-й псалом у открытого окна (псалом 72 в синодальном переводе). И самим этим действием, и упоминанием данного эпизода выражено несогласие с политической ситуацией и господствующими нравами Третьего Рейха: «Я позавидовал безумным, видя благоденствие нечестивых, ибо им нет страданий до смерти их, и крепки силы их; на работе человеческой нет их, и с прочими людьми не подвергаются ударам. Оттого гордость, как ожерелье, обложила их, и дерзость, как наряд, одевает их...» (Пс.72:3-6).

В последующих дневниковых записях Юнгер с сожалением замечает, что катастрофическая для народов ситуация войны становится тем тяжелее, чем больше утрачивается навык молитвы. И вместе с тем, правильный молитвенный настрой, наряду с «новой теологией», видится Юнгеру тем средством, с помощью которого можно сохранить человечность. Молитва остается последним прибежищем угнетенного в ситуации, когда помощи ждать не приходится: «Какая же это величественная мысль, что человек слабый и преследуемый, забившись в своей комнатенке, в какой-нибудь норе, где он прячется, или сидя в тюремной камере, может в одиночку сопротивляться Левиафану и даже заставить того предстать перед судом, и что эта сила дается ему именно через страх — благодаря тому, что он ведет себя как страдающий человек»¹⁶.

Сам Юнгер в годы войны пережил серьезный личный опыт страдания, когда его сын Эрнстель, матрос берегового подразделения ВМФ, за антиправительственные разговоры попал в тюрьму и был отправлен на тяжелый участок фронта в Италии, где и погиб в 1944 году. Эрнст Юнгер тяжело переживал арест сына, всячески пытался облегчить его участь, а его гибель ввергла писателя в тяжелые душевные муки.

В заключение следует отметить, что Эрнст Юнгер не был системати-

¹⁵ Юнгер Э. Излучения / Пер. с нем. Н.О. Гучинской, В.Г. Ноткиной. СПб.: Владимир Даль, 2002. С. 661.

¹⁶ Юнгер Э. Годы оккупации / Пер. с нем. И. П. Стребловой. СПб.: Владимир Даль, 2007. С. 293.

ком и не оставил каких-либо программных текстов по богословию¹⁷. В этом можно усмотреть влияние «философии жизни», с ее критикой «воли к системе», но и влияние христианских мистиков, чье наследие Юнгер хорошо знал. Очевидно, что богопознание для Юнгера находится вне власти человеческой рациональности и опытов в области естественной теологии. По этой причине Юнгер избегает прямого теоретизирования о Боге в текстах, упоминая Бога очень аккуратно и в тех случаях, когда это действительно необходимо. Такой подход содержит определенное предвосхищение некоторых положений постметафизической теологии, возникшей под влиянием философии Мартина Хайдеггера.

Юнгер ведет дневник почти одновременно с Симоной Вейль, выдающимся религиозным мыслителем и философом. И если Вейль делает шаг от левого радикализма в сторону христианского гуманизма, то Юнгер приходит к христианскому мировоззрению, пережив увлечение консервативной политической мыслью. Обоих авторов поиски социальной гармонии в условиях глобальной катастрофы Второй мировой войны привели к религиозным взглядам.

В этот период меняется и отношение Юнгера к войне как к явлению. С точки зрения Юнгера, внешний характер войны обусловлен духовными процессами, протекающими в сознании народов и каждого отдельного человека. Век стремительного индустриального развития порождает новую культуру и новую мораль, которые способствуют деиндивидуализации и дегуманизации. Война становится апогеем тотальной мобилизации в рамках промышленного производства. Юнгер с сожалением замечает, что современные войны являются ареной противоборства технических средств, а воинская доблесть прошлого не может быть явлена на поле боя, которое превратилось в поле массового уничтожения. Человечность теперь можно обрести только в тех сферах, где техническое мировосприятие просто невозможно – это пространство боли и сострадания. Если желание максимально удобной и распланированной жизни привело человечество к чудовищным формам коллективизма и дегуманизации, забвению священного и катастрофе Мировой войны, то выбраться из-под обломков «вавилонской башни» прогресса человек может благодаря боли. Боль напоминает человеку о его человечности и о роли священного в его жизни. Но и жертвы войны не оказываются напрасными. Они сообщают всему человечеству коллективный опыт, который должен пробудить в сознании народов сострадание и гуманизм.

Погибшим и обездоленным однозначно противопоставляются государственные элиты, «в которых можно выбиться на первое место, только

¹⁷ Pschera A. Ernst Jünger, Katholik [Электронный ресурс]. URL: <https://juenger-gesellschaft.com/ernst-juenger-katholik-von-alexander-pschera/> (Дата обращения: 11.10.2023).

имея на своей совести тысячи загубленных»¹⁸. Государственное насилие в мире господства техники Юнгером понимается как однозначно негативное явление.

От записи к записи в дневниках все четче проявляются очертания нового героизма. Это уже не военный пафос из романа «В стальных грозах», принесшего Юнгеру популярность. Это героизм христианского воина из посланий апостола Павла или трактата Эразма Роттердамского. Здесь не только фиксируется момент выбора «гуманистической» интонации в творчестве писателя. Дневники оказываются свидетельством и методом христианской перемены ума. Уходит аффектация, на смену ей приходит спокойная сосредоточенность и стремление отстоять подлинную человечность в ситуации столкновения со злыми стихиями мира сего.

Литература

Житенев Д.С. О некоторых малоизвестных фактах жизни Э. Юнгера в Вильфлингене [Электронный ресурс]. URL: <https://admarginem.ru/2020/05/06/daniil-zhitenev-ernst-yunger-zhizn-v-dome-lesnika> (Дата обращения: 10.10.2023).

Моисеев Д.С. Юлиус Эвола и Эрнст Юнгер: от политического радикализма к *aroliteia* // История. Общество. Политика. 2020. № 1(13). С. 42-52.

Юнгер Э. Сады и дороги / Пер. с нем. Е. Воропаев. М.: Ад Маргинем Пресс, 2022.

Юнгер Э. Излучения / Пер. с нем. Н.О. Гучинской, В.Г. Ноткиной. СПб.: Владимир Даль, 2002.

Юнгер Э. Годы оккупации / Пер. с нем. И. П. Стребловой. СПб.: Владимир Даль, 2007.

Юнгер Э. Уход в Лес // Пер. с нем. А. Климентова. М.: Ад Маргинем Пресс, 2020.

Юнгер Э. Семьдесят минуло / Пер. с нем. Евгения Воропаева; общ. ред. и послесл. А.Б. Михайловского. М.: Ad Marginem, 2011.

References

Jünger E. *Sady i dorogi* [Gärten und Straßen], transl. from Germ. by E. Voropaev. Moscow: Ad Marginem Press Publ., 2022 (in Russian).

Jünger E. *Izlucheniya* [Strahlungen] / transl. from Germ. by N.O. Guchinskaya, V.G. Notkina. Saint Petersburg: Vladimir Dal' Publ., 2002 (in Russian).

Jünger E. *Gody okkupacii* [Jahre der Okkupation] / transl. from Germ. by I.P. Streblova. Saint Petersburg: Vladimir Dal' Publ., 2007 (in Russian).

¹⁸ Юнгер Э. Годы оккупации / Пер. с нем. И. П. Стребловой. СПб.: Владимир Даль, 2007. С. 172.

Jünger E. *Ukhod v Les* [Der Waldgang] // transl. from Germ. by A. Klimentov. Moscow: Ad Marginem Press Publ., 2020 (in Russian).

Jünger E. Sem'desyat minulo [Siebzig Verweht] / transl. from Germ. by E. Voropaev, ed, by. A.B. Mihhailovsky. Moscow: Ad Marginem Publ., 2011 (in Russian).

Moiseev D.S. *Julius Evola i Ernst Jünger: ot politicheskogo radikalizma k apoliteia* [Julius Evola and Ernst Jünger: from political radicalism to apoliteia]. *Istoriya. Obshchestvo. Politika*. 2020. N. 1(13). P. 42-52 (in Russian).

Pschera A. Ernst Jünger, Katholik [Electronic resource]. URL: <https://juenger-gesellschaft.com/ernst-juenger-katholik-von-alexander-pschera/> (Date of access: 11.10.2023)

Zhitenev D.S. O nekotoryh maloizvestnyh faktah zhizni E. Jüngera v Vil'flingine [On some little-known facts of E. Jünger's life in Wilflingen] [Electronic resource]. URL: <https://admarginem.ru/2020/05/06/daniil-zhitenev-ernst-yunger-zhizn-v-dome-lesnika> (Date of access: 10.10.2023).

Ernst Jünger and Christianity

On materials of the diaries of 1939-1948

Pyotr Salov, postgraduate, Saints Cyril and Methodius Institute for Postgraduate Studies (Moscow), peter_salov@yahoo.com

The article examines the ideological transition carried out by the outstanding German writer and thinker Ernst Jünger (1895-1998) during the Second World War. Based on the analysis of the writer's diaries for 1939-1948, a conclusion is made about the main features of his religious transformation. Based on the materials of the diaries, E. Jünger's views on Christian church architecture, theological and religious literature, as well as the writer's idea of prayer practice are evaluated. It is concluded that the key factor in the revaluation of values for Jünger was the establishment of the National Socialist dictatorship in Germany in 1933 and the subsequent outbreak of World War II. The prerequisite for conversion to Christianity was disillusionment with active political and social activity during the Weimar Republic. It is emphasized that the development of E. Jünger's critique of dehumanization tendencies, as well as the techniques and ideologies of modernity, occurs simultaneously with the development of his religious views.

Keywords: Christianity, humanism, Ernst Jünger, prayer, church, sacred, ideology

For citation: Salov P.Yu. (2024) Ernst Jünger and Christianity. On materials of the diaries of 1939-1948 // *Metamorphosis*. Vol. 8. N. 3. P. 65-74.